

От главного редактора

Наиболее «горячей темой» с момента выхода предыдущего номера журнала стали вопросы катастрофической деформации международных экономических отношений в Европе и мире, спровоцированные экстраординарным политическим кризисом на постсоветском пространстве в результате затяжного украинского конфликта. Эта тема имеет много аспектов: военных, политических, коммерческих, технологических, гуманитарных, но нас интересует та форма, в которой все это множество аспектов проявляется в очевидном нарушении пространственных взаимосвязей и структуры самого глобального пространства.

Инициированные США и европейскими странами санкции против России являются своеобразным индикатором степени устойчивости пространственных взаимодействий и наличия самого единого экономического пространства в глобальном смысле. Неважно, насколько эти санкции действительны с точки зрения вводящих их или болезненны с точки зрения самой России. Для нас важно другое. Очевидным стало, что так называемое глобальное экономическое пространство в данном конкретном контексте состоит из весьма неоднородных фрагментов. Во-первых, это пространство взаимодействия Северной Америки и России, которое в очень небольшой степени пронизано устойчивыми и интенсивными связями. Именно поэтому США и Канада с относительной легкостью эти санкции вводят, а Россия на них весьма в небольшой степени реагирует. Во-вторых, это пространство экономических взаимодействий Европейского союза и России. Оно гораздо более плотное, и интенсивность взаимодействий значительно более высокая, что и определяет весьма осторожное движение самой Европы по введению различных санкций, а также гораздо более внимательную и реактивную реакцию России на эти санкции. В-третьих, в этой истории оказалось задействованным так называемое резервное экономическое пространство, резервное для России. Это восточноазиатские экономики, и в первую очередь Китай.

Казалось бы, такая неоднородность глобального пространства создает возможности относительно широкого маневра. Но это оказывается не совсем так.

Во-первых, кажущаяся неоднородность глобального пространства является таковой в значительной степени только с точки зрения двусторонних взаимодействий России с остальными частями этого пространства. Однако даже оставляя в стороне вопрос о политических альянсах и обязательствах, следует учесть, что все эти три составные части глобального пространства

(Северная Америка, Европа и Восточная Азия) между собой образуют гораздо более насыщенное и связанное интенсивными экономическими потоками пространство по сравнению с тем, которое образуется каждым из этих фрагментов в паре с экономикой России. Конечно, это значительно сужает возможности маневра.

Во-вторых, единое глобальное пространство вовсе не ограничивается торговыми и производственными взаимодействиями. Не менее, а на самом деле гораздо более важное значение имеют «мягкие» взаимодействия – единая финансовая система, технологические обмены и потоки инноваций, институциональные платформы. Именно эти аспекты на деле превращают современный мир в очень сильно интегрированное единое пространство. И попытки выйти из этого пространства или создать «альтернативное» пространство могут на деле привести к чрезвычайно отрицательным эффектам для любой экономики, которая до этого была полностью или даже частично в это единое пространство интегрирована. Эффект агломерации и эффект масштаба будут неминуемо потеряны, не говоря уже о технологическом шоке, который самым пагубным образом будет воздействовать на сравнительную конкурентоспособность национального продукта и в конечном счете на качество национальной экономической системы и жизни в стране.

В-третьих, важен также фактор так называемого периферийного пространства. Оно выступает в ряде случаев как резерв, которым может быть заменено участие в глобальных взаимодействиях назначенной по каким-то причинам возмутителем глобального спокойствия национальной экономики. Иллюстрацией значения этого фактора является так называемый «газовый контракт», подписанный недавно между Россией и Китаем. Этот контракт представляется и в какой-то мере является альтернативой европейскому газовому рынку, что должно продемонстрировать способность российской экономики переключиться с одного экономического пространства на другое. Однако наличие значительной конкуренции поставщиков газа на китайский рынок, равно как и существующие ограничения по возможности транспорта газа, приводит к тому, что ни полного замещения европейского рынка, ни завоевания критически важных позиций на китайском рынке добиться даже в отдаленной перспективе не удастся.

Сложившаяся ситуация является чрезвычайно досадным и потенциально опасным прецедентом в международных экономических отношениях. Она является почти идеальной иллюстрацией и степени интегрированности глобального экономического пространства, и пределов, которые существуют как в упрочении, так и в разрушении этого пространства.